

«Как Карла Маркса на китайский переводили»

Оригинальное название:

Удивительная история о “Капитале”
(драма в четырнадцати картинах с прологом)

Автор пьесы: Чэнь Шисюн

Перевод на русский: Кирилл Батыгин

Об авторе

Чэнь Шисюн (1944 г.р.) — профессор Сямэньского университета, приглашенный научный сотрудник Центральной академии драмы Китая, театровед, русист.

Основные сферы исследований — театроведение, история театра России, Европы и Америки, театра в провинции Фуцзянь и на Тайване.

В 1966 году закончил Фуцзяньский педагогический университет по специальности «Русский язык». В 1982 году получил степень магистра в Шанхайской театральной академии и начал преподавать в Сямэньском университете.

Проходил повышение квалификации по межгосударственному обмену и преподавал в Ленинградском государственном университете (сейчас — Санкт-Петербургский государственный университет) в 1985-1986 гг. и Московском государственном университете культуры (сейчас — Московский государственный институт культуры) в 1998-1999 гг., а также проходил повышение квалификации Российском университете дружбы народов в 2003, 2014, 2016, 2017, 2018 гг. В 1993 году был приглашенным преподавателем Китайского университета Гонконга, в 2005 году — Тайваньского политического университета. Многократный участник театральных симпозиумов двух берегов Тайваньского пролива.

Занимал должности заместителя декана Факультета китайского языка и литературы Сямэньского университета (1989-1999 гг.), председателя Центра исследований театра, кинематографа и телевидения при Сямэньском университете (2002-2007 гг.) и заместителя заведующего Китайской исследовательской ассоциации имени Тянь Ханя, (2007-2014 гг.).

В настоящее время является членом Комитета режиссерского искусства при Обществе китайских театральных деятелей, советником при Китайской ассоциации театра и литературы, членом Руководящего комитета по вопросам искусства провинции Фуцзянь, членом редакционных коллегий журналов «Китайский традиционный театр *сицюй*» и «Искусство провинции Фуцзянь».

Автор 12 монографий по театральной тематике, трех переводных изданий и одного сборника эссе; его трактат «Театральное мышление» был удостоен третьего приза за выдающиеся достижения в рамках 1-й Премии Национального фонда общественных наук Китая, трактат «История театра Европы и Америки» — второго приза в рамках 6-й Премии за гуманитарные и социальные науки Министерства образования КНР, монография «Театральная антропология» — второго приза за выдающиеся достижения в рамках 7-й Премии за гуманитарные и социальные науки Министерства образования КНР.

Автор более 200 статей по театроведению и рецензий на театральные постановки во множестве китайских газет и журналов, в том числе «*Жэньминь жибао*», «*Гуанмин жибао*» и *Literature & Art Studies*. Автор ряда пьес, в том числе тайваньской оперы «Возвращение на родину Чэнь Цзягэна», которая была удостоена гранта Национального фонда искусств Китая (2017 год), и драмы «Са Бэньдун в уезде Чантин», которая получила второй приз за сценарий на 28-м Театральном фестивале провинции Фуцзянь.

В настоящее время проживает и работает в городе Сямэнь провинции Фуцзянь на востоке Китая.

От переводчика

Как часто бывает, профессор Чэнь Шисюна и меня свела судьба. Нас познакомила общая знакомая. Господин Чэнь искал переводчика на замечательную книгу о сравнительном анализе китайского и западного театра, которая, если все сложится, увидит свет в 2022 году. А мне как раз довелось переводить по театральной тематике с китайского на русский язык. Также всегда особо выделяю для себя опыт перевода лекций и практических занятий китайским студентам в Российском институте театрального искусства — ГИТИС, который считаю для себя бесценным.

При первом нашем диалоге профессор Чэнь рассказал о том, что часто преподавал в Российском университете дружбы народов — моей альма-матер. На этом удивительные и счастливые совпадения не закончились. Когда я назвал имя моего основного преподавателя по китайскому языку, господин Чэнь обрадовался: они оказались близкими друзьями! Фортуна распорядилась так, чтобы наши *dao* пересеклись!

На фоне подготовки текста книги к переводу господин Чэнь рассказал мне о своей пьесе, в которой фигурируют коллеги-переводчики, и предложил перевести ее на русский.

Выбор для перевода представленной пьесы связан в первую очередь с недавними событиями в КНР, в частности, с празднованием 100-летия КПК и проведением исторического 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва в 2021 году. Это знаковые события для китайцев, особенно с учетом, как говорят сами жители Поднебесной, «великого возрождения китайской нации», за которым сейчас наблюдает весь мир.

Резолюция указанного пленума содержит следующие знаменательные слова: «Столетняя борьба КПК демонстрирует жизненную силу марксизма, его научность и истинность были полностью проверены жизнью... его открытость и современность нашли полное воплощение в Китае». Драму профессора Чэня следует воспринимать именно через призму текущего осмысления самими китайцами истории КПК и КНР.

Я бы назвал главным действующим лицом произведения прежде всего сам Китай, переживший глубокую трансформацию и череду ошеломительных событий на протяжении первой половины XX века, до образования КНР в 1949 году. Обратите внимание на многократные отсылки к войнам, революциям, восстаниям и бунтам, которые сопровождают героев произведения. Пьеса представляет собой мини-экскурс в историю Китая после падения в 1912 году Цин — последней императорской династии Китая — вплоть до образования КНР.

При этом, основные герои — переводчики Маркса на китайский — предстают перед нами как почти символические фигуры, обозначающие готовность всего китайского народа противостоять силой духа и искренностью убеждений любым трудностям и превратностям судьбы. Работу переводчика редко связывают с каким-то драматизмом, и на протяжении пьесы мы обычно видим персонажей в относительно спокойных сценах. Однако эти небольшие моменты спокойствия резко контрастируют с тем постоянно присутствующим напряжением и чувством нестабильности от жизни в Китае, который проходит через тяжелые исторические события и ищет свой путь развития. Только в заключительной сцене герои впервые никуда не спешат и ощущают умиротворение.

Пьеса господина Чэня — ода памяти тем на вид обычным, но преисполненным внутренней энергии людям, труд которых способствовал становлению КНР. И существенное преимущество китайцев заключается в осознании важного факта: развитие КНР — это постоянный процесс, который развивается по сей день и будет продолжаться еще долгое время. Председатель КНР Си Цзиньпин однажды процитировал слова Мао Цзэдуна: «По прошествии нескольких десятилетий победа китайской народно-демократической революции, рассматриваемая в ретроспективе, будет казаться лишь кратким прологом к длинной драме». Представленную пьесу Чэнь Шисюна можно было бы назвать в этом контексте предисловием к этому «краткому прологу».

«Мы будем всю жизнь бороться за коммунизм», — провозглашают китайцы, принимая на себя дело продолжения наследия переводчиков, которые познакомили Поднебесную с сыгравшим для развития страны столь большое значение учением Маркса. Надеюсь, что пьеса профессора Чэня в моем переводе будет интересна не только специалистам-китаистам, но широкому кругу российских читателей, заинтересованных в открытии для себя того, как формировались «Новый Китай» и КПК!

Действующие лица

(в порядке выхода на сцену, описания персонажей — на момент выхода на сцену)

Наставник Мяо Лянь	настоятель буддийского храма Дафо в городе Ханчжоу
Го Дали	переводчик «Капитала» Маркса на китайский язык
Ван Янань	переводчик «Капитала» Маркса на китайский язык
Ян Ци	командир взвода в вооруженных силах Гоминьдан
Мэй Лань	младшая двоюродная сестра Ян Ци,
Сюй Чжаосян	рабыня по договору (появляется в воображении Ян Ци)
Юй Синьфэнь	заместитель начальника Отделения расследований по
Лю Чжи	партийным делам при ЦК партии Гоминьдан
Ай Сыци	супруга Го Дали
Чжэн Или	руководитель отдела печати издательства
Супруга Чжэн Или	«Чтение — это жизнь» (Шанхай)
Цзян Цзинго	главный редактор издательства «Чтение — это жизнь»
	редактор издательства «Чтение — это жизнь»
	редактор издательства «Чтение — это жизнь»
	сын Чан Кайши, генерал-майор,
	заместитель руководителя Службы безопасности
	по провинции Цзянси
Папа Го	отец Го Дали
Тетушка У	сотрудница книжного магазина «Чтение — это жизнь»
Мао Цзэдун	
Чжан	сотрудник Управления общественной безопасности
	по городу Пекин
Два солдата-гоминьдановца	
Сотрудник шанхайского издательства «Чтение — это жизнь»	
Спутник Цзян Цзинго	
Полицейские № 1, 2 и 3	
Проститутка на причале	
Два спецагента при Сюй Чжаосяне	

Пролог

Видео: Колочая проволока на высокой тюремной стене. На улице пасмурно, небо в облаках.

Звуки стрельбы. Голос за кадром: 1927 год. Великая Китайская революция, направленная на освобождение Китая от гнета иностранных держав, закончилась провалом. Реакционеры Гоминьдан принялись яростно истреблять коммунистов.

Возгласы: «Да здравствует КПК!» Слышны голоса, громко поющие «Интернационал». Оглушительный шквал выстрелов. Тишина.

Звучит пронзительная как плач трель виолончели. Свет гаснет.

**Картина первая. 1928 год. Город Ханчжоу.
Постоялый двор при буддийском храме Дафо¹.**

Сцена постепенно освещается. На заднике — интерьер в буддийском храме Дафо.

Хозяин постоялого двора Мяо Лянь несет поднос с завтраком.

Мяо Лянь. *(стучится в дверь)* Господин Го! *(прислушивается и, не получив ответа, снова кричит)*
Господа! Го Дали! Ван Янань!

Входят Го Дали и Ван Янань.

Го Дали *(изображая, что открывает дверь)*. Смотрите, кто к нам пришел! Наставник Мяо Лянь с завтраком!

Ван Янань. Сами обслуживаете гостей! Какая большая честь для нас!

Мяо Лянь. Отведайте, пожалуйста: пампушки, каша и овощи!

Го и Ван. Огромное спасибо.

Го Дали. Вам лично придется разносить еду? Что случилось с вашим братом, тем молодым монахом?

Мяо Лянь. Ба Чэн уже не с нами! Сбежал домой! Мы воистину живем в сложные времена!

Слышен тяжелый топот. Тронца на сцене настороженно прислушивается. Ван Янань знаком дает понять Го Дали, чтобы тот забрал поднос с едой в комнату. Го уходит. На сцену резко врывается командир взвода вооруженных сил Гоминьдан Ян Ци в сопровождении двух солдат.

Мяо Лянь. О, Будда! Что привело вас к нам, командир?

Ян Ци. Смотрите-ка что творится! На месте буддийского храма теперь постоялый двор! Денег решили подзаработать?

Мяо Лянь. Смелы вы в речах!

Ян Ци. *(солдатам)* Начинаем поиск! Вдруг коммунистка, которую мы ищем, где-то здесь!

Солдаты. *(в один голос)* Есть! *(с винтовками наперевес направляются в комнату)*

Мяо Лянь. Товарищ командир, у нас здесь нет посторонних! Только постояльцы!

Ян Ци. Ваши постояльцы как раз и есть посторонние здесь! Если найдем хоть одного коммуниста, то вам светит наказание за связи с КПК! *(обращаясь к стоящему в сторонке Ван Янаню)* А вы кто?

Ван Янань. Учитель начальной школы. Приехал к вам в Ханчжоу искать работу.

Ян Ци. *(обращаясь к Мяо Ляню)* Правду говорит?

Мяо Лянь. Учитель Ван несколько дней голодал, пока не нашел пристанище от непогоды на нашем скромном постоялом дворе.

Входят два солдата. Один из них держит в руках книгу. Другой за шиворот тянет за собой Го Дали.

Солдат № 1. Товарищ командир! У этой парочки из вещей только какие-то лохмотья да вот эта книжка на иностранном языке.

Ян Ци. *(берет книгу, сурово)* Чья книга?

Го Дали. Моя.

Солдат № 2. Мы нашли книжку у него в мешке.

Ян Ци. Что это за книга? Говори!

Го Дали. Товарищ-командир, это заморская книга. Вот все, что я могу сказать.

Ван Янань. Мы подобрали ее где-то. Думали продать в лавке, чтобы было чем заплатить за пампушки.

Мяо Лянь. Ужас! О, милосердный Амиабха²!

Ян Ци. Ты-то чего за них беспокоишься? Лучше подумай, что будет с тобой, если у тебя в храме прячутся коммуняки!...

Мяо Лянь. Книгу им верните! Это же сущие бедняки!

Ян Ци. *(листая книгу)* Черт! Одна плесень! *(будто бы собирается вернуть книгу Го Дали, но неожиданно передумывает)* Нет, обложку забираем с собой, нужно понять, что здесь написано! *(срывает с книги бумажную обложку и засовывает ее в свою сумку через плечо)*

За сценой раздаются оглушительные выстрелы. Слышен топот ног.

Ян Ци. *(солдатам)* Чего стоите, тупицы! Бегом! *(спешно убегает вслед за солдатами)*

Мяо Лянь. О, Амиабха!... Наконец-то ушли. Кушайте скорее!

Го и Ван. Благодарим вас, наставник!

Мяо Лянь собирается уходить, но, заметив, как Го и Ван с осторожностью перелистывают потрепанную книгу, возвращается.

Мяо Лянь. Судя по всему, для вас эта книга представляет большую ценность? Как хорошо, что она осталась с вами!

Го Дали. Вы правы, эта книга для нас — настоящая реликвия.

Мяо Лянь. Как канонические книги для буддистов?

Ван Янань. Верно! Только нашу книгу написал один бородатый немец. Он рассказывает о том, как капиталисты угнетают рабочий люд!

¹ Буквального храм «Большого Будды». — Прим. перевод.

² Буквального «Безграничный свет» с санскрита. Один из Пяти Будд Мудрости в тибетском буддизме. — Прим. перевод.

Го Дали. Автор хочет добиться справедливости для измученного трудового народа. Люди работают сверхурочно, не шадят жизни, а плоды их трудов по большей части забирают себе капиталисты!

Ван Янань. Раньше рабочим и невдомек было, почему они валяются с ног после трудового дня, а живется им все равно так трудно. А эта книга как раз все объясняет. Прочитав ее, достигаешь прозрения!

Мяо Лянь. Прозрения? Ваш автор читал сутры?

Го Дали. Нашу книгу можно назвать священным писанием для рабочих!

Мяо Лянь. Так вот почему вы целыми днями возитесь с этой книгой! Похоже, и немцы, и китайцы идут одной дорогой. Бесчисленное множество правд сосуществует в мире, у каждого будто бы своя. Но только одной из них суждено стать истиной! По ту сторону света узнаем, кто пришел к ней первым.

Ван Янань. Наставник Мяо, как же кстати были ваши слова. Вы отстаивали нашу книгу!

Мяо Лянь. Командир, который к нам сегодня наведалься, — это Ян Ци. Я с ним знаком. Он приходил в святилище жечь благовония. Непокойно у него на душе. Он хотя бы думающий человек. Сдается мне, что в Ханчжоу со всеми этими волнениями небезопасно оставаться. Вам бы лучше поискать другое пристанище. По вам видно, что вы не просто читающие люди, а образованные люди, думающие об общем благе всего мира!

Го и Ван. *(низко кланяясь)* Амитабха!...

На сцене постепенно темнеет.

Картина вторая. Весна 1930 года. Ночь.
Нанкин. Общежитие курсантов учебной программы
по подготовке следователей при партии Гоминьдан.

Пьяный Ян Ци, одетый в гражданское, спит за столом. Настольная лампа высвечивает голову спящего посреди мрака на сцене. На стену отбрасывается неясная тень Ян Ци.

К Ян Ци неожиданно заходит милостивая девушка лет 16-17. Это Мэй Лань, двоюродная сестра Ян Ци. В руках она сжимает синий узелок, украшенный белыми цветами.

Мэй Лань. *(задыхаясь, отчаянно)* Братец Ян! Я не пойду! Не пойду! *(всхлипывает)*

Ян Ци. *(резко вскакивает)* Мэй Лань! Сестренка!

Из полутьмы гремит язвительно смеющийся мужской голос: Ха-ха-ха. Не пойдешь? Мамка твоя уже приняла за тебя свои десять юаней, а папаша поставил отпечаток пальца за тебя на кабальной грамоте. Еще как пойдешь, куда ты денешься? Ха-ха-ха! Не ценишь ты открывающуюся для тебя перспективу! Обещаю, что родители получат от тебя на новый год свеженькие банкноты!

Мэй Лань рыдает так сильно, что начинает задышаться. Из тьмы вдруг вытягивается крупная мужская рука, которая утягивает девушку за собой. Мэй Лань вскрикивает от ужаса и исчезает во тьме.

Ян Ци хочет побежать вслед за ней, но ноги его будто бы прикованы к земле. Ему только и остается, что безмолвно смотреть в безбрежный мрак. Статуя, а не человек.

Слышатся торопливые тяжелые шаги. Кто-то громко стучится в дверь. Раздается звук открывающейся двери. Из мрака доносится строгий приказ: Ян Ци! Тебя вызывает начальник Сюй Чжаосян. Прямо сейчас. Слышишь?

Сцену заливают яркий белый свет. Ян Ци тотчас же рукой закрывается от света.

Ян Ци. Есть, иду!

Слышится, как резко хлопает дверь. Белый свет моментально исчезает.

Смена декораций. Когда загорается свет, мы оказываемся в тайной штаб-квартире Отделения расследований по партийным делам Гоминьдан.

В комнате загорается свет. Заместитель начальника Отделения расследований по партийным делам при ЦК партии Гоминьдан Сюй Чжаосян медленно расхаживает по кабинету. В руке он сжимает обложку от немецкого издания «Капитала». Ян Ци стоит в сторонке с опущенной головой.

Сюй Чжаосян. Ян Ци, сколько ты уже с нами?

Ян Ци. Два месяца.

Сюй Чжаосян. Как у тебя случился весь этот казус с обложкой «Капитала»?

Ян Ци. Открыл ящик и увидел ее на самом дне. Она застряла между страниц другой книги. Начальник заметил обложку и отнял ее у меня.

Сюй Чжаосян. Мы отбираем курсантов по самым жестким параметрам. По идее, вы должны быть лучшими из лучших патриотами, готовыми в любой момент усмирить мятежников. К тому же, ты ведь учился в университете. И позволил себе полностью проигнорировать такой материал!

Ян Ци. В университете немецкий нам не преподавали.

Сюй Чжаосян. Это все, что ты можешь сказать в свое оправдание?

Ян Ци. Господин Сюй, я... *(запинается)*

Сюй Чжаосян. Этот инцидент сильно обеспокоил начальство! «Капитал» — почти как «Библия» для коммунистов. Дать им завершить перевод на китайский — это как приделывать крылья тигру! Съедят нас коммунисты, вооруженные «Капиталом»!

Ян Ци. Дайте мне разобраться, кто были те двое из храма в Ханчжоу, буду их искать...

Сюй Чжаосян. *(прерывая Ян Ци)* Как ты собираешься искать двух людей, которых видел целых два года назад? На месте ли еще тот храм? В живых ли монахи? К тому же, если мы сейчас разведем бурную деятельность, то насторожим врага. Косишь траву — пугаешь змей.

Ян Ци. Тогда я...

Сюй Чжаосян. Продолжаешь свои занятия на курсах оперативных сотрудников, но тебе нужно параллельно выяснить, кто прочел эту книжку, кто может ее перевести на китайский, кому может вздуматься ее опубликовать! Пока остаешься без наказания. Поручаю тебе эту ответственную задачу. Только никому ни слова!

Ян Ци. Есть! *(стоит навзятяжку)*

Свет гаснет.

Картина третья. Конец 1931 года. Шанхай.

Видео: Бесчисленные знамена и плакаты колышутся на ветру, почти полностью закрывая от зрителя небо и солнце. Процессия манифестантов несется вперед, подобно прибою. Слышатся громкие выкрики: «Долой японских империалистов!» «Вставай на защиту антияпонского движения!» «Берись за оружие!» «Поддержи войска, борющиеся с Японией!» «Встань на защиту страны, помоги вернуть утраченные территории!» «Поддерживай отечественных производителей, бойкот японским товарам!»...

Скромно обставленная комнатка преподавателя в Великом Китайском университете. Го Дали склонился над столом. Он полностью погружен в работу. Стук в дверь. Го Дали встает из-за стола и идет открывать дверь. В дверях стоит только вернувшийся из Японии Ван Янань.

Ван Янань. Братец Дали!

Го Дали. Братец Янань! Три года не виделись! *(обнимает Ван Янаня и помогает тому занести в комнату чемоданы)* Что ж ты не направил мне телеграмму? Я бы тебя встретил!

Ван Янань. Хотел тебе сделать сюрприз!

Го Дали. Наверно устал с дороги? Путь из Японии в Шанхай неблизкий!

Ван Янань. Так рад тебя видеть, что всю усталость как рукой сняло! *(взглядом окидывает комнату)*

А где же твоя женушка? Где Юй Синьфэнь?

Го Дали. В школе. Подменяет коллегу. Немного денег в семейную копилку нам не помешает. Как у тебя продвигается перевод «Начал политической экономии» Рикардо?

Ван Янань. Закончил перевод моей части за день до того, как отправился в путь!

Го Дали. Отлично! Мою часть я завершил как раз прошлой ночью.

Ван Янань. Что говорят в издательстве? Торопятся?

Го Дали. С их слов, Рикардо можно будет опубликовать уже в следующем году! К тому же они заметили, что над прошлым изданием Адама Смита работал переводчик Янь Фу. Он не только поменял название книги с «О причинах богатства народов» на «Истоки богатства», так еще перевел все на классический китайский язык, который никто толком прочесть не может. Наша версия — на современном китайском языке, так что новый перевод уж точно будет пользоваться спросом³! Выпьем за хороший почин в работе! *(наливает две чарки и передает одну из них Ван Янаню)*

Ван Янань. *(чокаясь)* Это был очень важный первый шаг для нас с тобой! Ведь Маркс писал «Капитал», полемизируя с классиками английской экономической науки. А мы о них вообще ничего не знаем! Так что Смит и Рикардо — отличная подготовка к переводу «Капитала»!

Го Дали. Вот-вот! Не зря говорят, что прежде, чем заготавливать дрова, надо хорошенько наточить топор! Расскажи, как у тебя получается так быстро справляться с немецким! Я тебе прямо обзавидовался!

Ван Янань. Да у меня же прямо за стенкой жила пожилая японка, а у нее отличный немецкий! Я ей помогал со всякими делами, а она с радостью согласилась подтянуть мой немецкий.

Го Дали. Кстати, спишь ты все еще на кровати с тремя ножками?

Ван Янань. Ага. Подпилил одну из ножек, чтобы не спать слишком долго! Сон становится более чутким! Как только начинаю терять равновесие и падать — сразу просыпаюсь!

Го Дали. Тебе бы патент получить на эту идею!

Ван Янань. А теперь ты рассказывай: как дела в Шанхае? Три года просидел в Японии, хочется поскорее узнать, как у вас здесь все складывается.

Го Дали. После того, как в сентябре этого года японцы вторглись в Маньчжурию⁴, студенты и учащиеся развернули большую активность. Школьники и студенты Шанхая учредили кучу организаций сопротивления Японии и спасения Китая. Устраивают учебные забастовки, направляют петиции в Нанкин. Движение приобретает все больший размах! 27 сентября студенты целую ночь простояли у здания Национального правительства, несмотря на холод и голод! Под таким давлением Чан Кайши был вынужден выйти к студентам. Он выступил с речью и, в частности, заявил, что «поощряет патриотический запал студентов», но в то же время пожурил их за постоянные петиции и вмешательство в деятельность правительства. Чан предупредил студентов, что они не должны дать использовать себя «контрреволюционным силам». По-прежнему непонятно, как Чан собирается противостоять японцам.

Ван Янань. По дороге сюда слышал, что Чан Кайши дал распоряжение управлению по железным дорогам не пускать студентов и прочих людей в Нанкин без предварительного разрешения!

Го Дали. Пусть говорит, что хочет, это все равно никого не остановит! Сейчас студенты бастуют и рассылают повсюду ноты протеста. Бастуют и рабочие, они не хотят трудиться на благо

³ В данном случае речь идет о противопоставлении *вэньяня* и *байжуа*. *Вэньянь* — классический письменный язык, который вплоть до начала XX в. использовался в Китае для литературных произведений, научных публикаций и официальных документов. *Байжуа* — наиболее близкий к современной разговорной норме письменный язык. — Прим. перевод.

⁴ Имеется ввиду Инцидент 18 сентября 1931 года, который также известен как Маньчжурский или Мукденский инцидент. 18 сентября 1931 года японские войска взорвали контролируемый ими участок железной дороги близ города Шэньян на северо-востоке Китая и обвинили в саботаже китайские войска. Это стало поводом для начала интервенции Японии против Китая.. — Прим. перевод.

японских капиталистов. Промышленники и торговцы требуют разорвать экономические отношения с Японией. В городах объявили бойкот японским товарам. Литераторы и учителя взялись за кисти и тушь, объявив на страницах своих произведений и научных трудов агитационную войну Японии! Поговаривают, что к концу ноября только в Шанхае позакрывали 80% предприятий с японским капиталом!

Ван Янань. Я обратил внимание, как обращаются с женщинами, работающими по контракту на японских прядильных фабриках. Там ситуация даже похлеще, чем то, что описывает Маркс! Дали, надо ускориться с переводом «Капитала». У рабочих и крестьян Китая должно как можно скорее оказаться в руках это теоретическое оружие!

Го Дали. Кстати, братец Янань, я тебе уже нашел комнатку во Французской концессии. В любое время можешь сходить посмотреть. Великий Китайский университет находится совсем недалеко, так что мы сможем постоянно видеться.

Ван Янань. Сегодня же и отправимся туда! *(чокается с Го Дали)*

Свет гаснет.

**Картина четвертая. 1934 год. Нанкин, улица Даошу, дом 132.
Парк Чжаньюань. Контора Бюро исследований и статистики⁵
Военного комитета Национального правительства
под руководством Гоминьдан.**

Получивший повышение Сюй Чжаосян весь в работе. Звонит телефон.

Сюй Чжаосян. *(снимает трубку)* Слушаю. Кто? Ян Ци? Хорошо, запускайте.

Ян Ци заходит с портфелем в руках.

Ян Ци. Господин Сюй! Я к вам сегодня с рапортом! *(передает рапорт)*

Сюй Чжаосян. *(принимая документы)* Садись. Расскажи все в общих чертах.

Ян Ци. Раньше всех в Китае прочел «Капитал», скорее всего, историк и философ Ван Говэй. Он утверждал, что не смог перевести столь большой трактат, но все равно вдохновился идеями и методологией Маркса! Следующая фигура — Ли Дачжао, профессор Пекинского университета и один из основателей Коммунистической партии Китая. Он рекомендовал преподавателям своего вуза сделать перевод «Капитала». В 1930 году был опубликован первый том трактата в переводе господина Чэнь Цисю, который отлично владел немецким. Есть еще совместный перевод первого тома в редакции ученых Хоу Вайлу и Ван Сыхуа.

Сюй Чжаосян. Если я правильно помню, то писатель Го Можо по возвращении из Японии решил перевести «Капитал» за 5 лет и даже утверждал, что сразу же отойдет в мир иной по завершении этого начинания. Но его отговорили от этой затеи в издательстве.

Ян Ци. Все верно, вы прямо в курсе всего.

Сюй Чжаосян. О чем ты тогда хотел меня известить?

Ян Ци. Об этой книге. *(передает книгу)* Давид Рикардо, «Начала политической экономии и налогового обложения». Переводчики — Го Дали и Ван Янань.

Сюй Чжаосян. Что можешь сказать об этих двоих?

Ян Ци. Го Дали — выходец из Восточного Китая, провинция Цзянси. Ему сейчас 29 лет. После окончания Великого Китайского университета в Шанхае начал преподавать китайский язык в средней школе. Его уволили по подозрениям в пропаганде коммунизма среди учеников. Несколько лет назад Го начал преподавать в средней школе при Великом Китайском университете. Много переводил классические труды английских экономистов. Ван Янань — выходец из Центрального Китая, провинция Хубэй. 33 года. По окончании педагогического факультета Университета Чжунхуа в городе Ухань отправился в город Чанша, где присоединился к объединенным вооруженным силам Гоминьдан и коммунистов, когда те боролись вместе против милитаристов во имя объединения страны⁶. В 1929 году Ван уехал изучать политэкономия в Японию, весьма преуспел в занятиях, вернулся в Китай в 1931 году и поступил на службу в Университет Цзинань, который в провинции Гуандун. Год назад, во время восстания 19-й маршрутной армии националистов против Гоминьдан, в провинции Фуцзянь было создано так называемое «Народное революционное правительство Фуцзяни»⁷, Ван уехал из Шанхая и отправился в Фуцзянь, где его назначили министром образования революционного правительства и главным редактором ежедневной газеты «*Жэньминь жибао*». После того, как выпустили ордер на его арест, Ван покинул Китай и бежал сначала в Англию, а потом перебрался в Германию. За границей Ван занимался писательской деятельностью и переводами, а также продолжал изучать экономику. Хорошо владея иностранными языками Ван и Го совместно переводят труды классиков английской экономической науки. Среди их переводов наиболее важные — «Начала политической экономии» Рикардо и «О причинах богатства народов» Смита.

Сюй Чжаосян. А разве ты виделся с ними? С чего ты взял, что они вознамерились перевести «Капитал» Маркса? Никто же просто так не возьмется за столь увесистое произведение!

Ян Ци. Я специально вернулся в Ханчжоу и посетил в рамках моего расследования буддийский храм Дафо. После того, как я там отобрал у них книгу, эта парочка быстренько покинула Ханчжоу. К тому же я нашел фотокарточки обоих переводчиков в нашей картотеке. Изображения не очень четкие, но люди на них очень похожи на тех двух парней, которых я встретил в 1928 году. Я включил копии фотокарточек в рапорт.

Сюй Чжаосян. Они коммунисты?

Ян Ци. Свидетельств тому я не нашел.

⁵ Несмотря на туманное название, де факто эта структура занималась военной разведкой. — Прим. перевод.

⁶ Здесь подразумевается Северный поход 1926-28 годов объединенных сил националистов и коммунистов против милитаристов, которые заправляли в различных регионах Китая. Гоминьдан и КПК совместно боролись в тот период против раздела страны между военными правителями. — Прим. перевод.

⁷ Здесь подразумевается Фуцзяньский инцидент 20 ноября 1933 года, когда 19-я маршрутная армия националистов, направленная в провинцию Фуцзянь для подавления бунтующих коммунистов, перешла на сторону протестующих и объявила о создании указанного нового правительства. — Прим. перевод.

Сюй Чжаосян. Определенно одно: это не люди, которые умеют проявлять смирение, особенно Ван Янань! Мы поступим следующим образом. Тебя пока переведут на другую работу. Никто не даст тебе заниматься исключительно двумя людьми. Но бдительность на их счет не ослабляй. Если установишь, что они перевели «Капитал», то незамедлительно сообщи мне об этом.

Ян Ци. Так точно! Будут ли другие указания?

Сюй Чжаосян. Нет, пока все.

Ян Ци. Тогда позвольте откланяться.

Сюй Чжаосян. Постой! Ты отлично справился. Прямо идеально подходишь для расследований в отношении ученых. Бюро сейчас расширяется, поэтому у нас есть возможность больше концентрироваться на конкретных задачах. В дальнейшем ты будешь специализироваться как раз на литераторах и педагогах. Если кто-то будет спрашивать, то говори, что ты свободный корреспондент. Ясно?

Ян Ци. Понял!

Свет гаснет.

Картина пятая. 1934 год. Шанхай.

Рев паровой трубы. Со стороны порта звучит гул голосов. Через несколько мгновений на сцену выходит Ван Янань с чемоданом в руках. Уходит со сцены.

Смена задника. Общежитие преподавателей средней школы при Великом Китайском университете. Комната Го Дали. Ван Янань выходит на сцену, осматривается настороженно по сторонам, затем стучится в дверь.

Го Дали. *(открывая дверь)* Братец Янань!

Ван Янань. Дали!

Го Дали. *(принимает у Ван Янаня чемодан, выглядывает за дверь)* Проходи скорее!

Ван Янань. *(входит вместе с Го Дали)* А жена где?

Го Дали. Готовит на кухне. Потеряла работу. *(кричит жене)* Синьфэнь, к нам пришел Янань. Чаю нам сделаешь?

Юй Синьфэнь. Бегу-бегу! *(вносит поднос с чаем, с широкой улыбкой)* Добрый день, Янань! Я ездила домой, к родителям и привезла с собой наш местный чай. *(разливает чай)*

Ван Янань. Какой аромат! Наверняка ничем не хуже моего любимого чая — «Облака и туманы», который выращивают в районе гор Лушань!

Го Дали. Хм, для нас последние месяцы как раз были окутаны сплошными облаками и туманами. От тебя совсем не было вестей! Ночами спать не могли от беспокойства за тебя!

Ван Янань. А я же ушел на дно, переезжал все время с места на место, возможностей связаться... *(зевает)*

Юй Синьфэнь. Дали так беспокоился за тебя, Янань! *(подливает чай)*

Ван Янань. Синьфэнь, спасибо за чай, не беспокойся, я сам налью!

Юй Синьфэнь. Я тогда вас оставляю, пойду готовить ужин. *(протирает стол, собирается уходить)*

Го Дали. Ты устал, наверное, отдохни немного.

Ван Янань. Хорошо, прилягу минут на десять. *(встает, хочет уйти на кухню)*

Юй Синьфэнь. Нет! *(удерживает Ван Янаня)*

Ван Янань. *(непонимающе)* Что не так?

Юй Синьфэнь. У нас кровать на трех ножках! Глупая придумка Дали!

Ван Янань и Го Дали хохочут.

Юй Синьфэнь. Смеешься! *(обращаясь к Го Дали)* Так это не ты, чертяка, придумал?

Го Дали. Нет, спать на кровати с тремя ножками первым начал Янань! А я позаимствовал его патентную разработку!

Юй Синьфэнь. Да какие там патенты! *(принюхивается)* Ой, у меня мясо сейчас сторит! *(быстро убегает)*

Ван Янань. Хорошо посмеялись! Сонливость как рукой сняло!

Го Дали. *(разливая чай)* Янань, расскажи, что у вас там произошло в Фуцзянь!

Ван Янань. Чан Кайши отдал приказ Цай Тинкаю вести 19-ю маршрутную армию на борьбу с Красной армией. Цай же считал, что после захвата Маньчжурии будет правильнее идти на север и дать отпор японцам. К чему ему возиться с Красной армией? Цай поделился своими сомнениями с начальниками в Нанкине, но те его проигнорировали. В результате 19-я маршрутная армия понесла тяжелые потери в столкновениях с коммунистами! Цай окончательно уверился в необходимости совместно с КПК противостоять японцам. Тогда он пошел по своему пути и создал Народное правительство провинции Фуцзянь для сближения с КПК, борьбы с Японией и противостояния Чан Кайши!

Го Дали. А что он мог еще сделать? Его вынудили обстоятельства!

Ван Янань. Только потом мне стало известно, что Коминтерн дал распоряжение КПК подписать соглашение о сотрудничестве с 19-й маршрутной армией, но при этом продолжать привлекать офицеров и солдат-гоминьдановцев на сторону Красной армии. А ведь угрозами и посулами добьешься лишь того, что обе стороны в конечном счете окажутся ни с чем. В общем, пришли мы к тому, что 19-я маршрутная армия потерпела поражение перед наступлением Чан Кайши, а на КПК обрушились еще более жестокие карательные меры.

Го Дали. Сдается мне, что КПК рискует, назначая своим руководителем Ван Мина. Он лишь неукоснительно исполняет распоряжения Коминтерна! Тебе же при таких обстоятельствах следовало бы придержать коней, дать себе время успокоиться и привести дела в порядок. Нам с тобой хорошо бы продолжить работу над «Капиталом».

Ван Янань. Не уверен, что получится. После того, как меня объявили в розыск, я уехал в Англию, а оттуда уже в Германию. Когда у меня было время, я читал работы по экономике, в том числе «Капитал» на немецком, ну и занимался сочинительством. Мне пришлось ехать через Японию, чтобы вернуться в Шанхай.

Го Дали. Ты совсем уставший. Задержись в Шанхае еще немного, дай себе отдохнуть.

Ван Янань. Не получится. Я же в розыске. Надо снова уезжать из Китая. Кстати, я перевел половину «Экономической истории Европы». Остались последние четыре главы. *(достает из чемодана*

текст перевода) Передаю тебе текст, переведи оставшееся. Вот законченные главы.

Го Дали. Договорились! Все наши рукописи — у родственников в Цзянси, закопаны в огороде за домом, никто там их не найдет, не беспокойся. Я все же волнуюсь за твоё здоровье со всеми этими разъездами.

Ван Янань. *(достает пакет из чемодана)* Кстати, вот шарфики, привез вам из Европы. У вас в Шанхае зимы такие морозные. Это тебе и жене. Времени мало, я побежал.

Го Дали. *(горестно)* Братец Янань... Береги себя... *(обнимает Ван Янаня)*

Ван Янань подхватывает чемодан, разворачивается и выходит.

Юй Синьфэнь. *(появляется с кухни с подносом, уставленным едой)* Янань! Янань!...

Го Дали и его супруга стоят в дверях, глядя за удаляющимся Ван Янанем. Свет гаснет.

**Картина шестая. Февраль 1937 года.
Шанхай, улица Цзиньнаньсы,
издательство «Чтение — это жизнь».**

Совещание при участии руководителя редакционного отдела Ай Сыци, руководителя отдела печати Лю Чжи, редактора Чжэн Или и супруги Чжэн Или.

Лю Чжи. Нам еще нужно успеть обсудить ситуацию вокруг Ли Гунпу. Времени мало. Ай Сыци, слушаем тебя.

Ай Сыци. (*смотрит на часы*) Го Дали и Ван Янань будут у нас где-то через полчаса. Давайте все обговорим сначала между собой. После того, как генералы-гоминьдановцы арестовали Чан Кайши в Сиане и вынудили его вступить в Единый фронт с коммунистами против Японии, Чан Кайши только и оставалось, что объединиться с КПК и противостоять совместно японцам. На недавнем пленуме ЦК Гоминьдан было озвучено предложение отойти от курса Ван Цзивэя на уничтожение коммунистов в пользу восстановления трех главных курсов Сунь Ятсена: альянс с СССР, союз с КПК и поддержка рабочих и крестьян. С соответствующей инициативой выступила Сун Цинлин, супруга Сунь Ятсена, и члены партии. Во внутренней и внешней политике Гоминьдан произошли очевидные изменения. В дальнейшем возможны откаты и сложности, но на данный момент нам в целом стало сравнительно проще вести издательскую и агитационную деятельность. Первое, что мне приходит в голову, — опубликовать полный перевод «Капитала». Это должно быть основной задачей на ближайшее время. Как вы смотрите на мое предложение?

Чжэн Или, его супруга и Лю Чжи выражают свое одобрение.

Ай Сыци. Насколько мне известно, Го Дали и Ван Янань еще не вступили в КПК, но в политическом отношении это надежные и принципиальные люди. Они прекрасно понимают, откуда растут ноги у нашего издательства. Именно поэтому они отказались принять высокий гонорар у издательства «Дадун». В общем, пусть приходят. Товарищ Чжэн и я переговорим с ними. Если нет возражений, то предлагаю считать совещание закрытым.

Входит сотрудник, который что-то шепчет на ухо Ай Сыци. Лю Чжи и супруга Чжэн Или уходят.

Ай Сыци. Пусть заходят.

Сотрудник открывает дверь. Входят Го Дали и Ван Янань. Сотрудник уходит, прикрывая за собой дверь.

Ай Сыци. Господин Го, господин Ван! Рад видеть наших двух талантливых переводчиков-экономистов! Мужчины жмут друг другу руки, здороваются. Все рассаживаются.

Ай Сыци. Если память меня не подводит, то мы с вами в первый раз встречаемся здесь. Издательство «Чтение — это жизнь» было учреждено господином Ли Гунпу, верным сыном партии и одним из основателей Демократической лиги Китая. Его и еще шестерых представителей Всекитайского союза за спасение Родины недавно арестовали силы Гоминьдан⁸. Весь этот инцидент вызвал большой резонанс в обществе. Уверен, что вам хорошо известно о последних событиях у нас.

Чжэн Или. Предшественником нашего издательства был журнал «Чтение — это жизнь», главным редактором которого был господин Ши Лянчай. Отличный журналист, его два с лишним года назад убили. Я говорю об этом вам, чтобы вы понимали, что наш путь тернист и всегда связан с определенным риском. Полагаем, что ваше решение обратиться по поводу перевода к нам свидетельствует о доверии к издательству.

Го Дали. Это мы с Янанем благодарны вам за доверие. Некоторые наши товарищи заявляли, что в текущие трудные времена никто не захочет тратить время на чтение нашего перевода, и тем более не найдется издательства, которое согласится опубликовать книгу в убыток себе.

Ай Сыци. В идейном наследии Маркса заложена наивысшая мудрость человечества. Мы уже много говорили с вами о важности для нас этого проекта. Сколько бы денег на это ни ушло, мы хотим как можно скорее перевести и опубликовать «Капитал» на китайском языке.

Чжэн Или. Вот текст договора. (*передает договор Го Дали и Ван Янаню*) Мы уже создали специальный фонд в 2000 юаней на публикацию книги и уже внесли все расходы в нашу отчетность. Каждый из вас будет ежемесячно получать по 80 юаней на обеспечение всех потребностей.

Ай Сыци. Господин Чжэн собрал этот специальный фонд за счет пожертвований родственников. Господин Го и господин Ван, в дальнейшем вы будете в первую очередь взаимодействовать именно с господином Чжэном. Он будет ответственным редактором по Марксу. Господин Чжэн у нас еще владелец книжного магазина и сам переводчик! Он работал над «Боевыми вопросами материалистической диалектики» советского публициста Марка Митина. Успешного вам сотрудничества!

Ван Янань. Господин Ай Сыци, мы имели возможность ознакомиться с вашей книгой «Популярная

⁸ Это событие 23 ноября 1936 года известно как Инцидент с участием семи благородных людей (*цзюньцзюй*). — Прим. перевод.

философия». Это произведение на полке у каждого уважающего себя китайца. Мы знакомы и с переводами господина Чжэна. С какими известными людьми свела нас судьба!

Ай Сыци. Давайте остановим обмен комплиментами здесь. Очевидно, что мы с вами единомышленники. Основная цель нашей встречи сегодня — подписание договора на перевод. Времени у нас не так много. Лу Гунпу все еще в тюрьме, и нам приходится направлять все усилия на его освобождение.

Чжэн Или. Если у вас нет возражений — просим поставить ваши подписи на договоре.

Го Дали. Братец Янань, ну что, подписываем?

Ван Янань. Конечно подписываем!

Го и Ван ставят подписи на договоре. Персонажей освещает ярким светом прожекторов. Музыка. Свет гаснет.

Картина седьмая. Весна 1938 года.
Уезд Нанькан, городской округ Ганьчжоу, провинция Цзянси.
Огород у дома Го Дали.

Вдалеке виднеется пейзаж горной деревни. Временами доносится мычание. Го Дали поливает зелень в огороде. Рядом с Го стоят ведра с водой. Входит Юй Синьфэнь.

Го Дали. Синьфэнь, где ты была?

Юй Синьфэнь. Кормила нашего буйволена, которого ты величаешь Дымком. Он как раз родился в тот день в прошлом году, когда ты вернулся домой. Не прошло и полгода, а Дымком уже заматерел! Даже мычит теперь по-взрослому.

Снова звучит мычание.

Го Дали. *(радостно)* Какой талант! У него бас прорезался!

Юй Синьфэнь. Дали, ну где в Шанхае ты можешь повозиться на огороде? После инцидента на мосту Лутоу⁹ японцы развязали открытую агрессию против Китая. Сейчас в самом разгаре война с Японией. Шанхай бомбят. А вот на юге Цзянси все так мирно, в горах сплошная благодать! Посмотри, как ты раздобыл и похорошел за последние полгода!

Го Дали. Не зря же я целыми днями работаю на солнышке!

Юй Синьфэнь. Ты здесь и ты в Шанхае — это совершенно разные люди. Здесь ты при первой свободной минутке усаживаешься переводить, пока у тебя спину не начинает ломить. Тогда ты идешь на прогулку или начинаешь заниматься хозяйством. Тебе бы побольше отдыхать! Если ты еще год будешь так работать, то у тебя вырастет горб на спине!

Го Дали. *(обращает внимание на время дня)* Что-то отец все не возвращается из уездного центра...

Юй Синьфэнь. Дали, тебе тоска сердце гложет сегодня.

Го Дали. Синьфэнь, из тебя бы получилась отличная гадалка! Иди сюда, судьбу мне предскажи!
(протягивая руку)

Юй Синьфэнь. *(отшвыривает руку Го Дали)* Паршивец!

Го Дали. Осторожнее, больно ведь!...

Входят 28-летний Цзян Цзинго и его спутник — мужчина среднего возраста.

Цзян Цзинго. Земляк, не подскажешь, здесь ли живет господин Го?

Го Дали. Го Дали? Это я. Чем могу помочь?

Цзян Цзинго. А! Так вы и есть господин Го, прославленный переводчик? Наслышан о вас! Сильно повезло сегодня застать вас здесь! *(протягивает руку)*

Го Дали. Простите, у меня руки все в грязи, перепачкался в земле...

Цзян Цзинго. Это прекрасная грязь, ведь именно на ней стоят горы и именно по ней текут реки нашего любимого края! Как необычно видеть переводчика за работой на грядках! Ваш опыт стоит перенимать! *(крепко жмет руку Го Дали)*

Го Дали. С кем имею честь общаться?

Цзян Цзинго. Цзян Цзинго, заместитель руководителя Службы безопасности по провинции Цзянси. *(указывая на сопровождающего позади)* Приятель помогает мне сориентироваться на местности.

Го Дали. Цзян... *(по нему сразу видно, что он понял, кто именно стоит перед ним)*

Юй Синьфэнь. *(в сторону, шепотом)* Сын самого Чан Кайши!

Спутник. Господин Цзян работает в Наньчане, приехал в городской округ Ганьчжоу с инспекцией.

Го Дали. Приятно познакомиться. Необычно видеть в нашем захолустье официальных лиц.

Спутник. Господину Цзяну нравится лично объезжать места, чтобы самому все увидеть, пообщаться с людьми, в том числе беженцами из оккупированных японцами районов! За один день господин Цзян может пройти до 40 километров!

Го Дали. Вот оно как!

Цзян Цзинго. *(указывая на Юй Синьфэнь)* Это ваша супруга?

Го Дали. Да, женушка моя, хозяйюшка.

Цзян Цзинго. Хозяйка — всегда главная сила! Я хотел с вами переговорить об одном деле.

Го Дали. Говорите, говорите! Может быть, чаю? Просим к нам!

Цзян Цзинго. Простите, но мне скоро уходить. Так что перейдем сразу к делу! Я вскоре поеду в центр Цзянси, в Ганьчжоу. Буду заниматься важной работой... Впрочем, тайны особой в моих планах нет. Вы же уроженцы Цзянси и определенно любите этот край. Есть у меня одна идея. Условное название: «Приезжайте к Гомиьдан в Ганьчжоу!» Мы предполагаем привлечь в Ганьчжоу лучших людей со всего Китая и построить «Новый Ганьчжоу» — город, где будут царить процветание, равенство, демократия и свобода. «Приезжайте к Гомиьдан в Ганьчжоу!» и «Едем с коммунистами в Яньань» — это фактически противоположно направленные

⁹ Это столкновение между китайскими и японскими солдатами 7 июля 1937 года стало формальным поводом для начала Японией полномасштабной войны против Китая. — Прим. перевод.

инициативы. Я хочу посмотреть, у кого получится лучше реализовать затею по привлечению людей на свою сторону: у коммунистов или у националистов?

Го Дали. Возможно, было бы правильным отстраивать не только Яньань и Ганьчжоу, но сразу весь Китай?

Цзян Цзинго. Правильные слова! Нам как раз нужны такие талантливые люди, как вы!

Спутник. Господин Цзян совсем недавно говорил о прогнозах, которые делал английский экономист Рикардо. Его книгу «Начала политической экономии» способны по-настоящему оценить от силы человек 20-25. Но вы с Ван Янанем так хорошо ее перевели, что теперь слава об этом произведении гремит во всем научном сообществе. Все очень положительно отзываются о вашей работе!

Го Дали. Я самый обычный переводчик. Стараюсь целиком погрузиться в работу над книгой и не обращать внимания на происходящее за моим окном. Я сильно оторван от действительности. Чем я могу быть в помощь Ганьчжоу?

Цзян Цзинго. Почему бы вам не стать консультантом по экономическим вопросам при надзорном управлении? Или можете заняться подготовкой кадров, читать лекции. Это же никак не скажется на вашей переводческой работе, как вы считаете?

Го Дали. Я, я... *(запинается)*

Цзян Цзинго. *(поворачиваясь к спутнику)* Нам стоит дать господину Го время на раздумья.

Спутник. Соглашусь, господину Го нужно все хорошо обдумать!

Цзян Цзинго. Господин Го, скоро увидимся с вами! Прощайте, госпожа! *(машет рукой, уходит вместе со спутником)*

Го Дали и Юй Синьфэнь молча наблюдают, как удаляется Цзян Цзинго.

Юй Синьфэнь. *(после долгой паузы)* Дали, а оно тебе нужно?

Го Дали. Синьфэнь, ты знаешь меня лучше, чем кто-либо. Я привык к жизни кабинетного ученого. Не нравится мне быть в людных местах. Я стараюсь держаться подальше от людей.

Юй Синьфэнь. Дома и тысяча дней пролетает незаметно, а вдали от родного края и один день в тягость. Мы с тобой знаем об этом не понаслышке. Не зря же мы уехали из Шанхая и вернулись домой.

На сцену выходит отец Го Дали. В руках у него — бамбуковая корзина.

Го Дали. Папа! Вот и ты! *(располагает коромысло поверх двух ведер, затем принимает корзину у отца)* Устал, наверно, с дороги, присядь.

Папа Го при поддержке сына медленно опускается на коромысло.

Папа Го. Это к нам только что наведывался Цзян Цзинго, сын Чан Кайши?

Юй Синьфэнь. Он пригласил Дали стать его советником.

Папа Го. Что ты ответил, сынок?

Юй Синьфэнь. И «да» не сказал, но и не отказался. Но скорее все же «нет». Господин Цзян сказал, что дает Дали время подумать.

Го Дали. Пап, ты что думаешь по этому поводу?

Папа Го. В уездном центре поговаривают, что этот Цзян Цзинго — суровый тип. Он утверждает, что после обучения в СССР перенял советскую манеру вести дела и общаться с людьми. Но отцу перечить он точно не будет. Бойтся, что люди будут говорить о его симпатиях к коммунистическим идеям после возвращения из СССР, поэтому он практически сразу открыл охоту на коммунистов. Несколько дней назад состоялось собрание коммунистов. Так Цзян отдал приказ арестовать их всех поголовно!

Го Дали. Отец, не волнуйся за меня. Я точно не собираюсь давать Цзяну какие-либо советы, а уж тем более работать на него.

Юй Синьфэнь. Дали все ждал вашего возвращения. *(мужу)* Ты что-то собирался нам рассказать?

Го Дали. Да. Мне пришла телеграмма. Я еду в Шанхай. *(вручает телеграмму отцу)*

Юй Синьфэнь. *(берет телеграмму из рук папы Го, читает)* Когда уезжаешь?

Го Дали. Завтра рано утром. Сначала — в Гонконг, а оттуда уже в Шанхай.

Юй Синьфэнь. Но ты же сам говорил: Шанхай пал? Ван Янань тоже уехал к себе домой, в провинцию Хубэй! Зачем тебе куда-то ехать? Мы же перебрались в Цзянси именно потому, что в Шанхае становилось слишком опасно.

Го Дали. После того, как Нанкин пал¹⁰, шанхайские бюрократы кинулись врассыпную. Сравнительно спокойно жизнь проходит в иностранных концессиях. Ты же была в Шанхае?

Юй Синьфэнь. Издательство твое концессионное?

Го Дали. Да. К тому же при издательстве мне выделяют комнату, где я смогу жить.

Юй Синьфэнь. Надолго уезжаешь?

¹⁰ Это событие связано в первую очередь с печально известной Нанкинской резней, начавшейся 13 декабря 1937 года и продолжавшейся несколько недель. — Прим. перевод.

Го Дали. Максимум на полгода, пожалуй.

Папа Го. Пускай Синьфэнь едет с тобой, чтобы было кому о тебе позаботиться и накормить тебя.

Го Дали. Отец, ты уже немолод. Без Синьфэнь дом оставлять нельзя. А я и один справлюсь. К тому же, всегда можно обратиться за помощью к друзьям.

Юй Синьфэнь. Так что же все-таки случилось? Настолько срочное дело?

Го Дали. Настолько. Книгу, которую мы переводим вместе с Янанем, надо поскорее завершать и публиковать. Мне нужно съездить в Шанхай, поработать с редактором от издательства. Вы же сами видели, как мы с Янанем трудились последние годы. Нельзя, чтобы наши старания пропали даром.

Папа Го. Да понятно все. Думается мне, что все это должно остаться строго между нами. Посторонним не к чему об этом знать.

Го Дали. Папа, твои глаза по-прежнему угадывается мерцание огня и блеск металла. Я с тобой согласен.

Папа Го. Синьфэнь, вечером приготовь побольше еды и завтра проводи Дали на остановку. Да не забудь положить ему наших местных лакомств и ватник, который я ему сшил. В Шанхае будет холодно.

Го Дали. Отец, непочтительно сыну бросать родителя одного и уезжать в далекое путешествие. Виноват перед тобой! *(пытается встать на колени)*

Папа Го. *(удерживая сына)* Сынок, не беспокойся за меня. Когда на кону судьба всей Поднебесной, каждый из нас должен брать на себя ответственность за будущее Отечества!

Юй Синьфэнь. *(желая скрыть волнение, подхватывает коромысло и кладет его себе на плечи, подбирает и бамбуковую корзину)*. Идемте!

К мычанию добавляются кудахтанье и лай. Свет гаснет.

Картина восьмая. 1938 год.
Город Ухань. Книжный магазин
«Чтение — это жизнь».

Субтитры (сопровождаются голосом за кадром): 1937 год. Шанхай пал под напором врага. Армия Японии принимает решение наступать на Нанкин. 20 ноября националистическое правительство объявляет о переносе столицы в Чунцин, а верховного командования — в Ухань, куда переводят и отдельные правительственные органы. Ван Янаню поручают работать с плановой комиссией при военном комитете правительственных войск Гоминьдан. В рамках работы над публикацией перевода «Капитала» Ван поддерживает контакты с книжным магазином «Чтение — это жизнь» в Ухане. В сентябре-октябре 1938 года полный перевод «Капитала» в составе трех томов успешно публикуют в Шанхае.

Магазин только-только открылся. В помещении всего один читатель. Это Ян Ци. Входит Ван Янань.

Ван Янань. *(кивает Ян Ци)* О, целый один читатель. Я-то думал, что вообще никого не застану.

Ян Ци. Я услышал, что магазин закрывается, вот и пришел.

Ван Янань. Близится падение Уханя, как же нам продолжать работать в таких условиях? Приятно видеть, что даже в наше непростое время у вас сохраняется желание читать!

Ян Ци. Я частый гость книжного магазина «Чтение — это жизнь».

Ван Янань. Серьезно? Странно. Я вижу вас впервые. *(с горькой усмешкой)* Близорукий стал, никого не могу разглядеть!

Ян Ци. Я бывал на ваших лекциях!

Ван Янань. В самом деле?... Вы пока почитайте, мне нужно подняться наверх. Скоро к вам вернусь. *(поднимается во внутреннее помещение)*

Сверху слышатся шаги. Доносятся обрывки фраз. Ян Ци с головой погрузился в книгу. Через какое-то время возвращается Ван Янань.

Ван Янань. Вы упомянули, что слушали мои лекции?

Ян Ци. Да, даже несколько раз. Все организовывал плановый комитет Комиссии по военным делам при правительстве Гоминьдан.

Ван Янань. И как вам лекции? Я работал консультантом при комитете, занимался исследованиями. Я скорее всего говорил о политэкономии?

Ян Ци. Все верно, почтенный учитель¹¹. У меня с собой только что изданный трёхтомник «Капитала». Его опубликовали в шанхайском издательстве «Чтение — это жизнь». Все еще пахнет типографской краской!

Ван Янань. *(воодушевленно)* Правда! Мы еще даже не получили тираж! Как же вы так быстро обзавелись «Капиталом»?

Ян Ци. Мне друг в Шанхае купил, только вчера доставили на пароходе! *(достает из портфеля три тома «Капитала»)*

Ван Янань. *(взволнованно берет книги, рассматривает их со всех сторон, листает, кричит, глядя вверх)* Госпожа У!

Тетушка У. Что случилось?

Ван Янань. «Капитал» прибыл! Один из наших читателей уже получил его на руки!

Тетушка У. *(спускаясь по лестнице, оживленно)* В самом деле?

Ван Янань. Вот этот молодой человек сообщил мне об этом. Простите, я даже не узнал ваше имя.

Ян Ци. Ян Ци.

Ван Янань. Господин Ян Ци получил книгу через своего друга.

Тетушка У. Нам должны вот-вот доставить тираж! Янань, я пойду проверю. Через полчаса вернусь. Присмотрите за магазином!

Ван Янань. Полчаса? *(смотря на часы)* Хорошо!

Тетушка У. Скоро буду! *(выходит)*

Ян Ци. Учитель, хочу с вами поделиться: я был очень рад этой книге. Посмотрел несколько страниц, но, кажется, не все понимаю. Могу к вам обратиться за советом: как лучше читать «Капитал»?

Ван Янань. Что вы читали по политэкономии и философии?

Ян Ци. «Начала политической экономии и налогового обложения» Рикардо, «Популярная философия» Ай Сыци, «Популярная экономика» Ди Чаобая...

Ван Янань. Уже недурно... А из русских что?

Ян Ци. «Государство и революция» Ленина.

Ван Янань. Не напомните полное название?

Ян Ци. Так, «Государство и революция». Потом точка. И «Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»!

Ван Янань. А «Капитал»?

¹¹ Ян Ци уважительно обращается к Ван Янаню как к «лаоши». «Лаоши» обычно указывает на особое уважение человека к собеседнику, обычно старшего возраста. — Прим. перевод.

Ян Ци. Первый том в переводе Чэнь Цисю. Издание 1930 года.

Ван Янань. Что-то поняли из него?

Ян Ци. Мне думается, что трехтомник написан более доступным языком. Я уверен, что его-то смогу дочитать до конца.

Ван Янань. Чтобы понять «Капитал», важно учитывать китайскую действительность. Китай ведь отличается от Запада. Западные страны — капиталистические общества с высокоразвитым товарным производством, где сам труд становится отдельным товаром. В Китае отсутствует рынок, где ведется свободная торговля рабочей силой. Большую часть людей нанимают по знакомству, из родственников или земляков, или на временной основе. Повсеместно работают сдельщики, закабаленные работники, подмастерья, действует патриархальный стиль руководства и так далее и тому подобное. Отношения между руководителями предприятий и работниками выстраиваются по феодальным принципам, поэтому так часто приходится наблюдать принуждение, шантаж и вымогательство со стороны работодателей!

Пока Ван Янань говорит, Ян Ци, вооружившись ручкой, прилежно записывает его слова, периодически поднимая голову от записной книжки.

Ван Янань. Читали ли вы драму господина Ся Яня «Работница по контракту»?

Ян Ци. «Работница по контракту»? *(его будто бы ударило током, но он тотчас же спохватывается)* Я?... Нет, не читал, но предположу, что по названию понятно, о чем там идет речь. У меня есть родственница, которую именно контрактом заманили работать в Шанхай!

Ван Янань. *(он не обратил внимание на неожиданную реакцию Ян Ци)* Настоятельно рекомендую почитать это произведение! Сопоставьте с тем, что написано в «Капитале» по части накопления финансов и прибавочной стоимости, и подумайте хорошенько, что общего и различного есть между двумя текстами.

Спешно входит Тетушка У.

Тетушка У. *(входя)* Янань, все пришло. Получать нужно на старом месте. Хозяин хочет, чтобы мы съездили вместе. К тому же, надо поговорить по поводу переезда.

Ван Янань. Ладно.

Ян Ци. Учитель, когда я могу вас побеспокоить в следующий раз?

Ван Янань. *(подумав)* Где-то через полмесяца приходите снова к нам или в плановый комитет. Вы очень любознательны, буду рад продолжить с вами беседу.

Ян Ци. Через 15 дней? Спать не буду, есть не буду, пока не дочитаю все три тома! Я побежал! *(спешно выходит, в дверях разворачивается и отдает поклон)* Спасибо вам! *(уходит)*

Тетушка У. У тебя появился новый адепт, Янань?

Ван Янань. Он, кажется, сейчас в поисках своей истины. Почему бы мне не поговорить с ним?

Тетушка У. *(достает из сумки новенький трехтомник «Капитала»)* Получила от хозяина. Доволен?

Ван Янань. *(смеясь)* По мне не видно? *(принимает книги, листает)*

Тетушка У. Вы с Го Дали долго работали над этими книгами.

Ван Янань. Тяжелее всего пришлось Дали. Он полгода просидел в той мрачной комнатке во Французской концессии. Там у него были лишь стол да походная койка. Ел сухой паек, запивая его кипяченой водой. Работал без остановки! Он не только должен был перевести свою часть, но и свести воедино весь текст. Он работал днями и ночами. Жизнь принес в жертву работе.

Тетушка У. Чете Чжэн тоже пришлось нелегко. Они сопоставляли ваш текст с переводами на английский и японский и делали еще корректуру. Серьезный проект!

Вдруг слышится огулительный сигнал воздушной тревоги. Госпожа У и Ван Янань спешно уходят. Доносится рев пролетающих самолётов и отзвуки воздушной бомбардировки. Свет гаснет.

**Картина девятая. По прошествии двух недель.
Все тот же книжный магазин «Чтение — это жизнь» в городе Ухань.**

В магазине беспорядок. Ящики с книгами нагромождены друг на друга. Ван Янань за столом читает газету.

Раздается стук в дверь.

Ван Янань. Входите!

Входит Ян Ци.

Ян Ци. Доброе утро, учитель!

Ван Янань. Вы рано пришли. Присаживайтесь! *(поднимается, желая налить воды Ян Ци)*

Ян Ци. Позвольте мне. *(наливает воду, сначала вежливо передает стакан Ван Янаню, только потом наливает воду себе)* Учитель, мне удалось одолеть все три тома «Капитала». *(достает три тома «Капитала»)*

Ван Янань. *(удивленно)* В самом деле?

Ян Ци. Да. Две недели даже за едой только и делал, что читал. «Работницу по контракту», которую вы рекомендовали, тоже прочел.

Ван Янань. И что же вы извлекли из чтения?

Ян Ци. Не все термины были понятны, но основной смысл я уловил.

Ван Янань. Могу задать вам вопрос? Вы в университете учились?

Ян Ци. Да, на математическом факультете при педагогическом институте. Но после первого года пришлось бросить учебу. У меня семья небогатая.

Ван Янань. И все же именно вы вероятно стали первым человеком в Ухане, кто прочел «Капитал» до конца!

Ян Ци. *(смеется с некоторым смущением)* Без ваших наставлений я был бы ничем не лучше слепца, беспомощно щупающего слона. Вы очень верно указали: полезно сверяться при чтении «Капитала» с текстом «Работницы по контракту» Ся Яня!

Ван Янань. Какие у вас соображения по этой части?

Ян Ци. Моя двоюродная сестра работала по контракту на японской прядильной фабрике в Шанхае.

Ван Янань. И что с нею?

Ян Ци. *(после паузы)* Печальна ее судьба... *(отворачивается с горестным выражением на лице)*

Ван Янань. Вы виделись с нею в Шанхае?

Ян Ци. Я побывал на фабрике, где она работала, но сестренки к тому времени уже не было в живых.

Ван Янань. Мне очень жаль...

Ян Ци. У нее развился туберкулез. Она совсем исхудала. От нее остались кожа да кости. Лицо совсем посерело. В уголках рта и на шее виднелись пятнышки крови. Она захлебнулась собственной кровью...

Ван Янань. Сколько времени она провела в Шанхае?

Ян Ци. Три года. Она была прелестным ребенком. Мы вместе подрастали меж зеленых слив в играх с бамбуковыми лошадками. Если бы не наше родство, то я бы мог стать ей мужем. Никогда не подумал бы, что наша совместная история может закончиться столь печально.

Ван Янань. Не обманом ли ее завлекли в Шанхай?

Ян Ци. Ся Янь будто бы списал «Работницу по контракту» с истории моей сестренки. По договору на одном листе ее купили у родителей мошенники, в устах которых рисовая солома представала слитками золота. Из невинной девушки сделали станок по зарабатыванию денег! В нашей деревне тогда случился потоп, а потом и неурожай. Чтобы спасти малолетнего сынка, дядя и тетя скрепя сердце отдали в рабство дочь в обмен на 20 юаней! 20 юаней! Вот во сколько оценили ее жизнь! Усталость, голод и болезнь погубили мою сестренку! *(плачет)*

Ван Янань. *(подливает воды Ян Ци)* Выпей.

Ян Ци. Благодарю!

Ван Янань. Ты целых полмесяца только и читал «Капитал». А что же с работой? Заработки-то у тебя есть?

Ян Ци. Я неженат. Немного пишу, этим и зарабатываю на жизнь.

Ван Янань. Гм. Можно вопрос?

Ян Ци. Конечно!

Ван Янань. Обратил ли ты внимание на следующую фразу у Маркса: «Новорождённый капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»?

Ян Ци. А я как раз хотел вас спросить об этом, учитель! Маркс указывает на кровавую историю первоначального накопления капитала, чему есть все свидетельства. Отсюда и фраза: «Новорождённый капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят». Первоначальный процесс накопления капитала оборачивается покорением, порабощением, грабежом и истреблением. Капиталисты силой забирают себе средства производства, вынуждая остальных людей покорно работать на себя в качестве наемных работников. Вспомним практику огораживания в Англии, в результате которой у крестьян изъяли землю.

Здесь же стоит упомянуть обращение стран в колонии и ведение торговых войн. Но в Китае дела складываются по-иному. Вы мне в прошлый раз сказали, что в Китае нет рынков для свободной торговли рабочей силой, и большинство людей вступают в ряды трудящихся через родственные связи, подряды, ученичество и по другим каналам, будь то через найм или обман. Феодализм довлеет над взаимоотношениями между рабочими и работодателями в Поднебесной. Работники по контракту — тому доказательство.

Ван Янань. Отлично! Твой интерес к политэкономии — большая редкость. Китаю воистину нужны такие люди, как ты.

Ян Ци. Господин Ван, я хотел бы попросить вас стать моим учителем официально.

Ван Янань. К чему я тебе? Ты же говорил, что уже слушал мои лекции при плановом комитете.

Ян Ци. Да, но это была моя вторая встреча с вами.

Ван Янань. А когда же мы первый раз виделись?

Ян Ци. 1928 год. Буддийский храм Дафо в Ханчжоу.

Ван Янань. Целых десять лет уткло с того времени! Прости, но я ничего не помню об этом. Еще раз: как тебя зовут? Подожди, не говори — сам вспомню. Ян Ци!

Ян Ци. Если уж я прошусь к вам в ученики, то мне не к чему скрываться. В буддийском храме перед вами предстал командир взвода Национально-революционной армии Гомиьндан. В память той встречи с вами и господином Го у меня осталась только обложка от немецкого издания «Капитала». Тогда мне было 20 лет, и я все еще верил Сунь Ятсену и Чан Кайши.

Ван Янань. Прошло десять лет, и тебя совсем не узнать.

Ян Ци. Вам просто давно пора сменить очки, учитель.

Ван Янань. *(снимает и протирает очки)* Ты уверен в этом?...

Ян Ци. Позвольте вашему новому ученику порадовать вас обновкой.

Ван Янань. Мы с тобой еще никакие контракты не подписывали на наставничество. Что же тебя привело ко мне сейчас?

Ян Ци. С сожалением вынужден признать, что меня к вам в качестве тайного агента подслала партия Гомиьндан. *(показывает удостоверение)*

Ван Янань. *(надевает очки, смотрит документ)* Мне в самом деле давно пора сменить очки. Так что же... Тебя прислали следить за мной?

Ян Ци. *(убирает удостоверение)* Следить за вами я не собираюсь, учитель. Только следовать за вами.

Ван Янань. Знаешь, на спецагента Гомиьндан ты не особо смахиваешь. Агент бы не прочитал «Капитал» так тщательное.

Ян Ци. Вы не представляете себе, какие только люди не работают на Гомиьндан. Даже если вы не готовы стать моим учителем, я все равно остаюсь вашим учеником. Вы правильно заметили, что я стал первым человеком в Ухане, который прочел все три тома «Капитала» в вашем переводе.

Ван Янань. Мне бояться, скорее всего, нечего. Ведь КПК и Гомиьндан сейчас сотрудничают. У нас в политотделе начальствует Чэнь Чэн от Гомиьндан, а Чжоу Эньлай от коммунистов — его заместитель.

Ян Ци. Учитель, а вы являетесь членом коммунистической партии?

Ван Янань. Нет.

Ян Ци. На вашем бы месте я бы вступил в КПК!

Ван Янань. С чего бы это?

Ян Ци. Человек, способный перевести такое произведение, — определенно верный марксист.

Ван Янань. *(кивая)* Вот это точно. Я марксист.

Ян Ци. То есть вы собираетесь вступить в КПК?

Ван Янань. *(смеется)* Для интеллигента вступать или не вступать в партию не такой уж важный вопрос. Гораздо важнее быть идейным человеком.

Ян Ци. Учитель, признаюсь, что при чтении «Капитала» я ощущал себя факиром. Каждый день будто бы ходил по раскаленным углям.

Ван Янань. Сейчас тебе полегчало?

Ян Ци. По ночам мне не спится, все ворочаюсь из стороны в сторону. Круговорот мыслей. Я кажется переродился в другого человека. Прошлый я вступил в ряды вооруженных сил Гомиьндан, вдохновившись пламенем идей националистов, от которых бурлила кровь в жилах. Меня зачислили в командиры взвода, поскольку я был грамотным, да еще целый год отучился на педагогическом. Меня отправили на курсы при Бюро расследований и статистики ЦК Гомиьндан. Только потом до меня дошло, что работа в этом бюро — чистая разведка и слежка! Но к тому моменту пути назад уже не было. Легко вступить на корабль, стоящий в порту, но тяжело с него сойти, когда судно уже вышло в открытое море. Так я и жил ради трех мисок риса в день и двух смен одежды на год вплоть до настоящего момента.

Ван Янань. Беспокойный у нас век, более лихой, чем даже у Маркса, когда тот писал «Капитал»! Вам,

молодежи, приходится блуждать в потемках. Не каждый шаг в этих условиях будет всегда верным. Винить себя за это не имеет смысла.

Ян Ци. Учитель, мне хочется умереть от раскаяния!

Ван Янань ничего не отвечает и просто разглядывает Ян Ци. Молчание.

Ян Ци. Учитель, может ли ваш ученик быть полезен вам в каком-нибудь деле?

Ван Янань. Зависит от тебя. Подожди несколько минут.

Ян Ци. Хорошо!

Ван Янань проходит во внутренние помещения.

Ян Ци. *(садится, листает книгу, но не может сосредоточиться; встает)* Я уже согласился помочь ему. Но что он ожидает от меня? Пойду ли я на опасное дело?... Забавно! Худшее, что может таить опасность, — это смерть, но дважды умереть нельзя! К чему мне бояться гибели? Мэй Лань уже в ином мире, а я все хватаюсь изо всех сил за жизнь, вверяя свою судьбу в руки начальника Сюя и еще бесчисленного множества руководителей. Мэй Лань бы осудила меня за мое поведение! Ведь так, сестренка?

Появляется Мэй Лань. Она все еще сжимает в руках тот узелок голубого цвета с белыми цветочками. Пройдя несколько шагов, Мэй Лань пускается в пляс. Лицо ее ничего не выражает, а движения и ритм танца — сбивчивые и резкие. Это не красивый плавный танец, это выражение глубоких мук. Звучит интенсивный аккомпанемент, в котором угадываются то аккорды фортепиано, то рев самолетов или завывание сигнала тревоги.

Наконец мы осознаем, что это именно сигнал тревоги и рев самолетов. Ян Ци приходит в себя. Мэй Лань исчезла.

Ян Ци подходит к двери и высматривает самолеты в небе.

Входят Ван Янань и Тетушка У. По их виду заметно, что они уже привыкли к доносящимся снаружи звукам. Они будто бы и не слышат сигнала тревоги.

Ван Янань. Ян Ци, вы уже знакомы с госпожой У, моей коллегой по магазину. У нас есть дело, где ты можешь быть в помощь.

Ян Ци. *(решительно)* Хорошо!

Тетушка У. Мы завтра должны отправить несколько ящиков с «Капиталом» в Чунцин. Весьма вероятно, нам будут препятствовать, не исключена и конфискация книг. Сможешь ли ты быть на третьем причале на случай, если нам потребуется поддержка?

Ян Ци. В какое время?

Тетушка У. Мы отплываем в восемь вечера. Это небольшое грузовое судно.

Ян Ци. Есть! Я буду за десять минут на месте. Не беспокойтесь, учитель!

Ван Янань. Тогда до завтра! Встречаемся на причале! *(жмет руку Ян Ци, провожает его взглядом до двери)*

Свет гаснет. Музыка.

**Картина десятая. На следующий день.
Причал где-то в городе Ухань.**

Смеркается. На причале медленно загораются огни, однако на сцене все равно стоит полумрак. На реку опускается туман. Слышится гудок парохода.

У причала стоит небольшое грузовое судно. На корабле показывается Тетушка У, которая спрыгивает на причал. Сцену пересекают несколько полицейских.

Входит Ян Ци.

Ян Ци. Госпожа У!

Тетушка У. *(подходит к Ян Ци)* Господин Ян, мы уже погрузились. Через пять минут отплываем.

Ян Ци. Я какое-то время стоял вон там, пока ничего, максимум придут с рутинной проверкой. Здесь я и подключусь. А вот и проверяющие.

Подходят трое полицейских. Они собираются подняться на судно. Ян Ци встает перед ними. Тетушка У прячется во тьме.

Ян Ци. *(демонстрируя удостоверение)* Я здесь с обходом, все уже посмотрел. Одни книги! Какие-то потрепанные книжицы об инфекционных заболеваниях. Сплошная рухлядь! Как бы чего-нибудь не подхватить от их листания! Хотите посмотреть? Только осторожно, лучше ничего не трогайте! А то потом придется спиртом обливаться с головы до пят!

Полицейский № 1. Черт возьми, зря пришли! А думали, что будет чем поживиться. А книги-то нам к чему? *(обращаясь к полицейским, стоящим позади)* Пойдете смотреть? Там книжки! Желания разбираться в этих закорючках у меня нет!

Полицейский № 2. Пошли отсюда, хватит трепать языком!

Входит проститутка, она выразительно подмигивает Полицейскому № 3.

Полицейский № 3. Братцы, сегодня быстро стемнело!

Грузовое судно грохочет и несколько раз вздрагивает, а затем медленно отплывает. Полицейские покидают сцену. Неожиданно на сцену входит Сюй Чжаосян, за которым следуют два спецангента в штатском.

Сюй Чжаосян. Ян Ци, а ты какими судьбами здесь?

Ян Ци. Начальник Сюй! Так вы же сами наказывали мне отслеживать все по части культуры и образования. Мне стало известно, что книжный магазин «Чтение — это жизнь» закрылся и что они собираются увозить неликвидный товар. На всякий случай я решил лично удостовериться во всем.

Сюй Чжаосян. Ну и где же твой рапорт?

Ян Ци. А что же я сейчас делаю, если не рапортую вам? Я проверил вещи, которые вывезли из магазина. Кое-какая утварь, плюс всевозможная беллетристика, рыцарские и любовные романы, еще какие-то буклеты по инфекционным заболеваниям. Ничего заслуживающего внимания!

Сюй Чжаосян. Мне доложили, что ты, оказывается, читаешь «Капитал».

Ян Ци. С радостью сообщаю вам, что я уже прочитал не только «Капитал», но и книги Рикардо, Смита и еще нескольких западных экономистов. Я слышал, что Чан Кайши в настоящее время изучает политэкономиию. К тому же, на лекции в 1935 году он говорил, что западная экономическая наука исходит из корыстных интересов отдельного человека, и, несмотря на развитие производственных и оборонных технологий, западные державы не способны служить во имя народного благосостояния. В Китае же, по мнению Чана, экономисты строят свои выводы на природе человека и своей высшей целью видят обеспечение народного благосостояния. Здесь сразу вспоминается фраза конфуцианского философа Мэн-цзы: «Важно гуманно относиться к народу и любить всё живое».

Сюй Чжаосян. Ты за кого: за Китай или Запад?

Ян Ци. Каждый извлекает из любого занятия то, что он сам хочет найти в нем. Можете не беспокоиться. Я не читаю книги наобум.

Сюй Чжаосян. Это ты, сосунок, будешь меня успокаивать? Уведите его!

Двое спецангентов выходят вперед и надевают наручники на Ян Ци.

Сюй Чжаосян. Я тебе раньше уже объяснял: на словах Гомиьндан объединилась с коммунистами для противостояния японцам, но за кулисами продолжается борьба между движениями как за лидерство, так и за территорию и за кадры. Твоя задача как раз заключалась в том, чтобы переманивать на нашу сторону их лучших людей. Однако, по всей видимости, мы зря тебя учили и зря тебе доверяли, если ты переметнулся на сторону Единого фронта националистов и коммунистов. Ты обманул ожидания Гомиьндан и правительства! *(качает головой, с тяжелым вздохом)* Печально!

Спецангент уводит Ян Ци со сцены. Сюй Чжаосян подходит к рампе сцены. К нему присоединяется один из спецангентов.

Сюй Чжаосян. *(тихо)* Звони в Чунцин. Пусть дождутся судна и хорошенько прочешут его! Да еще усильте патрули на всех причалах Уханя!

Спецангент. Есть!

Гудок парохода. Слышатся отголоски моторов и зазывал на причале. В темноте виднеется нечеткий силуэт
Тетушки У. Свет гаснет.

Картина одиннадцатая. 1942 год.
Город Яньань — главная опорная база КПК.

Субтитры (сопровождаются голосом за кадром): Трехтомное издание «Капитала» Маркса на китайском, опубликованное издательством «Чтение — это жизнь» в переводе Го Дали и Ван Яняня, наконец-то было доставлено в главный опорный пункт китайского революционного движения: город Яньань. В номере журнала «Коммунист» от 1940 года была опубликована «Программа изучения политэкономии», предназначенная для самообразования кадров КПК. В библиографии значился трехтомник Маркса. В 1942 году Мао Цзэдун на торжественном собрании по случаю начала учебного года в Партийной школе при ЦК КПК выступил с речью, в которой лидер дал научную оценку труду Маркса.

Входит Мао Цзэдун. Его речь звучит мощно и убедительно.

Мао Цзэдун. ...Маркс не только был лично вовлечен в революционное движение, но и активно претворял дело революции в жизнь. Начав с товаров — самой элементарной частицы капиталистической системы, мыслитель провел полноценный разбор всех структур экономики современного общества. Бесчисленное множество людей созерцало и использовало день ото дня несметное количество товаров, но никто не обращал внимание на то, что скрывается за повседневными предметами. Именно Маркс с позиций науки исследовал товары как отдельное явление, найдя в их заурядном существовании основы для глубоких умозаключений. Маркс изучал природу и историю. Маркс сформировал теории диалектического материализма, исторического материализма и пролетарской революции. Маркс стал олицетворением наивысшей истины, доступной человечеству...

Слышатся бурные аплодисменты. Свет гаснет.

Картина двенадцатая. 1950 год.
Пекин. Заседание членов Отделения философии
и общественных наук при Академии наук Китая

Субтитры (сопровождаются голосом за кадром): 1 октября 1949 года была образована Китайская Народная Республика. Уже в следующем году учреждается Отделение философии и общественных наук при Академии наук КНР. Переводчики «Капитала» Маркса на китайский язык Го Дали и Ван Янань, а равно сделавший большой вклад в публикацию издания философ Ай Сыци были избраны членами новой структуры.

Загоревшийся свет освещает обменивающихся теплыми рукопожатиями Го Дали, Ван Янаня и Ай Сыци.

Го Дали. Братец Янань! Дорогой Ай!

Ван Янань. Дали! И Ай здесь!

Ай Сыци. Братец Янань, братец Дали! Как вы? Я слышан о том, что братец Янань преподает в Университете Цинхуа, а братец Дали — в Центральной школе марксизма-ленинизма. Но мне недавно стало еще известно, что братец Янань вскоре отправится на юг, чтобы занять пост ректора Сямэньского университета!

Ван Янань. Этот вуз хорошо знаком Дали. Перед тем, как перебраться в Пекин, он по особому приглашению преподавал экономику в Сямэне с 1947 по 1949 годы. Сямэньский университет — детище Чэнь Цзягэна, филантропа с китайскими корнями из Сингапура. И внутри, и за пределами Китая с развитием этого вуза связывают большие надежды. Быть ректором в таком университете — занятие с еще большими непредвиденными трудностями, чем даже перевод «Капитала».

Го Дали. Братец Янань, впрочем, учился и ездил с командировками в Японию, Великобританию и Германию, многое повидал и многое узнал. Кто, как не он, способен справиться с поставленной задачей! В 1945 году он был назначен деканом Школы права при Сямэньском университете, да еще и руководителем Факультета экономики при том же вузе. Именно по приглашению брата Янаня я и попал в Сямэнь.

Ай Сыци. Как все логично сложилось! Братец Янань, ты точно оправдаешь возложенные ожидания! Да, кстати, я же к вам явился сегодня не один! Привез с собой нежданного, но дорогого гостя! Братец Янань, мой спутник приехал повидать тебя. Догадаешься, кто это?

Ван Янань. Да как же догадаться-то? В Пекин сейчас съезжаются люди со всего Китая!

Ай Сыци. Мой спутник заявляет, что он твой ученик!

Ван Янань. Ученик? У меня много учеников!

Ай Сыци. С его слов, он был первым человеком в Ухане, который прочитал полностью ваш перевод «Капитала»!

Ван Янань. Ян Ци! Он здесь? Скорее, проси его сюда!

Ай Сыци. *(обращаясь за кулисы)* Ян Ци, заходи!

Ян Ци. *(входя с поклоном, адресованным в первую очередь Ван Янаню)* Учитель Ван! А вы, вероятно, господин Го Дали! *(кланяется)* Рад видеть вас обоих!

Ай Сыци. Ян Ци прикрыл наших товарищей, тем самым обеспечив возможность скорейшей поставки крупной партии трехтомника «Капитала» в Яньань. За это Ян Ци арестовали реакционеры из Гоминьдан. Но друзья в Ухане помогли его быстро вызволить. Ян Ци приехал в Яньань и отыскал меня. Какое-то время он работал на подхвате в Ассоциации новой философии в Яньане, при любой возможности читал книги и еще писал статьи на экономические темы. Я хотел устроить его на подходящую ему работу, но он твердит только о поступлении в вуз!

Ян Ци. Да, это моя мечта.

Ван Янань. И куда же ты хочешь поступить?

Ян Ци. В Сямэньский университет!

Го Дали. Почему туда?

Ян Ци. Во-первых, оба переводчика «Капитала» работали там, а во-вторых — мой учитель Ван Янань собирается отправиться туда в качестве ректора. Все мои помыслы о Сямэне!

Ван Янань. Я лично только приветствую это, но мне кажется, что ты староват для бакалавриата!

Го Дали. *(смеется)* Тогда пусть займется повышением квалификации!

Ян Ци. Сейчас же вроде бы кадровых работников отправляют на обучение в университеты.

Ван Янань. Но и им надо сдавать экзамены!

Ян Ци. Ну и прекрасно! Хоть сейчас готов экзаменоваться!

Ай Сыци. *(сурово)* Ян Ци, тебя в самом деле ожидает испытание, только не этого рода. Управление общественной безопасности Пекина хочет, чтобы ты принял участие в допросе подозреваемого по делу.

Ян Ци. *(удивленно)* Не проблема! Прямо сейчас?

Ай Сыци. Прямо сейчас. *(машет рукой в сторону кулис)*

Входит одетый в форму Чжан, сотрудник отделения общественной безопасности.

Ай Сыци. Это товарищ Чжан из управления. А вот Ян Ци, о котором вы спрашивали.

Чжан. Добрый день! (*жмет руку Ян Ци*) Я хочу попросить вас вместе со мной встретиться с одним человеком. Нам нужно установить его личность. На это уйдет самое большее полчаса.

Ай Сыци. Мы подождем тебя с обедом. Приходи в нашу беседку.

Ян Ци. Хорошо! Я готов.

Ян Ци уходит вслед за Чжаном. Ай Сыци, Го Дали и Ван Янань провожают их задумчивыми взглядами.

Через сцену проходит группа музыкантов с поясничными барабанами. Музыка, сначала нарастающая, постепенно затихает.

Свет гаснет.

**Картина тринадцатая. Сразу после предшествующей картины.
Незамысловатая комната для допросов: стол и стулья.**

Открывается дверь, через которую пробивается луч света, высвечивающий сидящего на стуле Сюй Чжаосяна. Сюй Чжаосян заметно постарел и подряхлел. На его голове блестит проплешина, лицо отекло. Руки закованы.

Входит Ян Ци в сопровождении Чжана.

Чжан. Знаком ли вам этот старик?

Ян Ци. *(присматривается, изумленно)* Сюй Чжаосян?!

Сюй Чжаосян. *(медленно и беспомощно поднимает голову, пристально смотрит на Ян Ци, с холодной усмешкой)* Плохо слышно. Ничего не понимаю!

Ян Ци. Не прикидывайтесь! Вы Сюй Чжаосян, уроженец провинции Чжэцзян. В 20-х годах вы отправились на учебу в США, где изучали электронику. Именно по этой причине у вас прекрасный английский. По возвращении в Китай вы успешно работали с учрежденным националистами Центральным радио, разработали сложный шифр для передачи сообщений, продемонстрировав, что у вас есть потенциал в качестве спецагента. Вас заметили, и вы поступили на службу в Отделение расследований по партийным делам при Гоминьдане. Что же до всего остального — сами уж рассказываете!

Сюй Чжаосян. *(после долгой паузы)* Так передо мной в самом деле Ян Ци!

Ян Ци. Да, господин Сюй, это я, Ян Ци!

Сюй Чжаосян. Годы не щадят человека!

Ван. Вы последний раз виделись с ним в 1938 году?

Ян Ци. Да, Третий причал в Ухане. 12 лет тому назад!

Сюй Чжаосян. *(Чжану)* ...Дайте нам переговорить наедине.

Чжан. В вашем распоряжении пять минут! *(скрывается за дверью)*

Сюй Чжаосян. Тебя тоже с трудом узнал.

Ян Ци. Да, я подзагорел. Ну, и похудел.

Сюй Чжаосян. Ты уверен, что идешь правильной дорогой?

Ян Ци. Посмотрите лучше, куда привел вас ваш путь.

Сюй Чжаосян. Все с тобой понятно! Ты помешался после чтения «Капитала». Вот и сбежал в свой Яньань! Но что же вы так все взъелись на капитал? Чем вам плох капитализм? Разве не капиталистические США — самое мощное государство в мире, которое вынудило Японию сдать атомными бомбами?! Настал водораздельный 1950 год. Вторая половина века готовит нам перемены! Ты же знаешь, что 7-й флот ВМС США круглые сутки рассекает Тайваньский пролив! Ты подумал хорошенько о своем будущем? Как долго продержится Коммунистическая партия, на которую ты возложил все свои надежды? Когда ты пришел к нам на курсы, я тебе сказал, что ты еще молод, и перед тобой открывается океан перспектив. Я хотел тебя воспитать в лучших традициях, даже думал отправить тебя на учебу в США, а ты... *(качает головой)*

Ян Ци. Господин Сюй, исходя из сегодняшних реалий трудно сразу определить, кто выйдет победителем, а кто потерпит поражение. Только выйдя из воды на берег, человек осознает, запятнал ли он себе ноги грязью! 20 лет тому назад вы мне заявляли, что «Капитал» — священное писание для коммунистов и что с этой книгой они нас съедят как окрыленные тигры. Уже тогда было понятно, что вы очень рано поняли, сколь потрясающее дело сделал Маркс! Но вы учились в США и потому отказались от марксизма, встав на сторону врагов, выступающих против истины. В проигрыше оказались вы! И все же вы продолжаете уповать на военные корабли США! Уверю вас, реющее над площадью Тяньаньмэнь красное знамя никогда не падет! Председатель Мао четко обозначил, что проделанная нами работа — лишь первый шаг на длинном пути в будущее. Нам все еще предстоит покончить с остатками вражеских сил и развивать экономику. Пускай империалисты сидят и ожидают наше поражение! *(после паузы)* Время покажет, чья возьмет!

Чжан. *(стоя в дверях)* Время истекло, Ян Ци. Вас ждут товарищ Ай и остальные!

Ян Ци. *(разворачивается, собирается уходить, но вновь бросает взгляд на Сюй Чжаосяна)* Путь у вас сейчас один: раскаться в содеянном и надеяться на мягкий приговор! *(выходит)*

Чжан закрывает дверь. В комнате вдруг резко темнеет. Слышится, как закрывается замок. Издалека раздаются отзвуки поясничных барабанов.

**Картина четырнадцатая. Сразу после предшествующей картины.
Ясный день: синее небо, украшенное белыми облаками.
Беседка в окружении зеленых деревьев.**

Загорается свет. Ай Сыци, Ян Ци, Го Дали и Ван Янань сидят в беседке за столом, накрытым к обеду. Они только отобедали и сейчас неспешно пьют чай.

Ай Сыци. Ян Ци, ты говорил, что Сюй Чжаосян спрашивал тебя, сколько лет суждено просуществовать КПК?

Ян Ци. Да. Он еще пытался припугнуть меня США. Что ситуация еще поменяется, и они смогут реставрировать старый режим!

Ай Сыци. Дерзок он в речах. Наш коллега по общественной безопасности заметил, что в Пекине прячется бесчисленное множество тайных агентов, контрреволюционеров и враждебных элементов. Бороться с такими коварными оппонентами крайне тяжело. Возможно, Ян Ци, ты еще пригодишься нашим службам.

Ян Ци. Буду только рад!

Вблизи слышится гулкий поясничный барабан. Девушка в красном, очень напоминающая Мэй Лань, проходит через сцену, наигрывая на барабане. Она с улыбкой смотрит на Ян Ци.

Ян Ци. *(невольно)* Мэй Лань!

Ван Янань. Ты это о чем, Ян Ци?

Ян Ци. *(очнувшись от наваждения)* Да ничего. Господа, *(несколько смущенно)* могу ли я обратиться к вам с вопросом?

Го, Ван и Ай. Конечно!

Ян Ци. После моего спора с Сюем мне по дороге к вам пришла следующая мысль. Хотя капиталистический мир пережил тяжелейший экономический кризис, американский империализм принял беспрецедентный размах после войны. Не значит ли это, что в капитализме заключен потенциал к самовосстановлению, трансформации и развитию? И еще вот одно соображение: если капитализм и располагает такой способностью, то несомненно лишь в ограниченных пределах, и, значит, рано или поздно он израсходует ее в противостоянии дальнейшим кризисам. Тогда и произойдет смена общественного строя. Понятно, что этот процесс, скорее всего, будет протекать крайне медленно. Исходя из всего этого, внешнее превосходство США вовсе не является свидетельством того, что теория Маркса отжила свое. Капитализму найдется замена в виде более прогрессивных способов производства.

Ай Сыци. «Колос на глиняных ногах» — так Ленин как-то выразился об империализме.

Го Дали. Иначе говоря, могущество США — сиюминутное и преходящее.

Ван Янань. Ян Ци, твои мысли — изящное применение идей Маркса на практике. Запиши их и пришли мне посмотреть. В Сямэне сейчас готовят научный вестник. Только обязательно четко обоснуй свои идеи!

Го Дали. Братец Янань еще даже не доехал до Сямэня, а уже готовит вестник! Поддерживаю твоё предложение Ян Ци!

Ван Янань. Братцы Дали и Сыци, жду материалов и от вас!

Ян Ци. Учитель, могу вам задать еще один вопрос?

Ван Янань. Давай!

Ян Ци. Вы с господином Го в партию вступили-то?

Ван Янань. *(удивленно)* Все тот же страшный вопрос! *(обращаясь к Ай Сыци и Го Дали)* Вам и отвечать!

Ай Сыци. *(смеется)* А ты спроси у Ян Ци о его планах на вступление в КПК!

Ян Ци. Я уже все продумал! Я подам заявку на вступление после того, как вы станете членами партии!

Ван Янань. Ха-ха! Ай Сыци, по части философии и логики специалист у нас ты! Вот и объясняй нам, в чем здесь логика.

Все четверо смеются. По заднику проносится стая голубей. Слышится долгий пронзительный свист. Сцену пересекает группа музыкантов с поясничными барабанами. Музыка заполняет все пространство.

Субтитры (сопровождается голосом за кадром): В 1957 году Го Дали и Ван Янань вступят в КПК, а Ян Ци подаст заявление на вступление в партию. Точнее, подал бы, если бы он был реальным человеком, а не плодом фантазии автора, который оставляет на усмотрение зрителя решать, насколько Ян Ци вписывается в логику хода истории.

Субтитры: Пьеса посвящена 100-летию КПК.

Черновой вариант драмы написан во время пребывания
в Российском Университете Дружбы Народов летом 2018 года.

Редакции со второй по шестую драмы написаны
весной-летом 2020 года при Сямэньском университете.